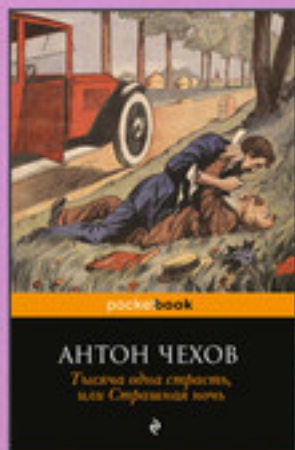

Антон Чехов

Последняя могилоканша

*Часть сборника
Тысяча одна страсть, или
Страшная ночь (сборник)*

АНТОН ЧЕХОВ

Последняя могиканша

«Public Domain»

1885

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Чехов А. П.

Последняя могижанша / А. П. Чехов — «Public Domain», 1885

«Я и помещик отставной штаб-ротмистр Докукин, у которого я гостил весной, сидели в одно прекрасное весеннее утро в бабушкиных креслах и лениво глядели в окно. Скука была ужасная...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

© Чехов А. П., 1885
© Public Domain, 1885

Антон Чехов

Последняя могиканша

Я и помещик отставной штаб-ротмистр Докукин, у которого я гостил весной, сидели в одно прекрасное весеннее утро в бабушкиных креслах и лениво глядели в окно. Скука была ужасная.

– Тьфу! – бормотал Докукин. – Такая тоска, что судебному приставу рад будешь!
«Спать улечься, что ли?» – думал я.

И думали мы на тему о скуке долго, очень долго, до тех пор, пока сквозь давно не мытые, отливавшие радугой оконные стекла не заметили маленькой перемены, происшедшей в круговороте вселенной: петух, стоявший около ворот на куче прошлогодней листвы и поднимавший то одну ногу, то другую (ему хотелось поднять обе ноги разом), вдруг встрепенулся и, как ужаленный, бросился от ворот в сторону.

– Кто-то идет или едет... – улыбнулся Докукин. – Хоть бы гостей нелегкая принесла. Все-таки повеселее бы...

Петух не обманул нас. В воротах показалась сначала лошадиная голова с зеленой дугой, затем целая лошадь, и, наконец, темная, тяжелая бричка с большими безобразными крыльями, напоминавшими крылья жука, когда последний собирается лететь. Бричка въехала во двор, неуклюже повернула налево и с визгом и тарыхтением покатила к конюшне. В ней сидели две человеческие фигуры: одна женская, другая, поменьше, – мужская.

– Черт возьми... – пробормотал Докукин, глядя на меня испуганными глазами и почесывая висок. – Не было печали, так вот черти накачали. Недаром я сегодня во сне печь видел.

– А что? Кто это приехал?

– Сестрица с мужем, чтоб их...

Докукин поднялся и нервно прошелся по комнате.

– Даже под сердцем похолодело... – проворчал он. – Грешно не иметь к родной сестре родственных чувств, но – верите ли? – легче мне с разбойничьим атаманом в лесу встретиться, чем с нею. Не спрятаться ли нам? Пусть Тимошка соврет, что мы на съезд уехали.

Докукин стал громко звать Тимошку. Но поздно было лгать и прятаться. Через минуту в передней послышалось шушуканье: женский бас шептался с мужским тенорком.

– Поправь мне внизу оборку! – говорил женский бас. – Опять ты не те брюки надел!

– Синие брюки вы дяденьке Василию Антипычу отдали-с, а пестрые приказали мне до зимы спрятать, – оправдывался тенорок. – Шаль за вами нести или тут прикажете оставить?

Дверь наконец открылась, и в комнату вошла дама лет сорока, высокая, полная, рассыпчатая, в шелковом голубом платье. На ее краснощеком весноватом лице было написано столько тупой важности, что я сразу как-то почувствовал, почему ее так не любит Докукин. Вслед за полной дамой семенил маленький, худенький человечек в пестром сюртучке, широких панталонах и бархатной жилетке, – узкоплечий, бритый, с красным носиком. На его жилетке болталась золотая цепочка, похожая на цепь от лампадки. В его одежде, движениях, носике, во всей его нескладной фигуре сквозило что-то рабски приниженное, пришибленное... Барыня вошла и, как бы не замечая нас, направилась к иконам и стала креститься.

– Крестись! – обернулась она к мужу.

Человечек с красным носиком вздрогнул и начал креститься.

– Здравствуй, сестра! – сказал Докукин, обращаясь к даме, когда та кончила молиться, и вздохнул.

Дама солидно улыбнулась и потянула свои губы к губам Докукина.

Человечек тоже полез целоваться.

– Позвольте представить... Моя сестра Олимпиада Егоровна Хлыкина... Ее муж Досифей Андреич. А это мой хороший знакомый...

– Очень рада, – сказала протяжно Олимпиада Егоровна, не подавая мне руки. – Очень рада...

Мы сели и минуту помолчали.

– Чай, не ждал гостей? – начала Олимпиада Егоровна, обращаясь к Докукину. – Я и сама не думала быть у тебя, братец, да вот к предводителю еду, так мимоездом...

– А зачем к предводителю едешь? – спросил Докукин.

– Зачем? Да вот на него жаловаться! – кивнула дама на своего мужа.

Досифей Андреич потупил глазки, поджал ноги под стул и конфузливо кашлянул в кулак.

– За что же на него жаловаться?

Олимпиада Егоровна вздохнула.

– Звание свое забывает! – сказала она. – Что ж? Жалилась я и тебе, братец, и его родителям, и к отцу Григорию его возила, чтоб наставление ему прочел, и сама всякие меры принимала, ничего же не вышло! Поневоле приходится господина предводителя беспокоить...

– Но что же он сделал такое?

– Ничего не сделал, а звания своего не помнит! Он, положим, не пьющий, смиренный, уважительный, но что с того толку, ежели он не помнит своего звания! Погляди-ка, сгорбившись сидит, словно проситель какой или разночинец. Нешто дворяне так сидят? Сиди как следует! Слышишь?

Досифей Андреич вытянул шею, поднял вверх подбородок, вероятно для того, чтобы сесть как следует, и пугливо, исподлобья поглядел на жену. Так глядят маленькие дети, когда бывают виноваты. Видя, что разговор принимает характер интимный, семейный, я поднялся, чтобы выйти. Хлыкина заметила мое движение.

– Ничего, сидите! – остановила она меня. – Молодым людям полезно это слушать. Хоть мы и не ученые, но больше вас пожили. Дай бог всем так пожить, как мы жили... А мы, братец, уж у вас и пообедаем заодно, – повернулась Хлыкина к брату. – Но небось сегодня у вас скоромное готовили. Чай, ты и не помнишь, что нынче среда... – Она вздохнула. – Нам уж прикажи постное изготовить. Скоромного мы есть не станем, это как тебе угодно, братец.

Докукин позвал Тимошку и заказал постный обед.

– Пообедаем, и к предводителю... – продолжала Хлыкина. – Буду его молить, чтоб он обратил внимание. Его дело глядеть, чтоб дворяне с панталыку не сбивались...

– Да нешто Досифей сбился? – спросил Докукин.

– Словно ты в первый раз слышишь, – нахмурилась Хлыкина. – И то, правду сказать, тебе все равно... Ты-то и сам не слишком свое звание помнишь... А вот мы господина молодого человека спросим. Молодой человек, – обратилась она ко мне, – по-вашему, это хорошо, ежели благородный человек со всякою шушвалью компанию водит?

– Смотря с кем... – замялся я.

– Да хоть бы с купцом Гусевым. Я этого Гусева и к порогу не допускаю, а он с ним в пашки играет да закусывать к нему ходит. Нешто прилично ему с писарем на охоту ходить? О чем он может с писарем разговаривать? Писарь не только что разговаривать, пискнуть при нем не смей, – ежели желаете знать, милостивый государь!

– Характер у меня слабый... – прошептал Досифей Андреич.

– А вот я покажу тебе характер! – погрозила ему жена, сердито стуча перстнем о спинку стула. – Я не дозволю тебе нашу фамилию конфузить! Хоть ты и муж мне, а я тебя осрамлю! Ты должен понимать! Я тебя в люди вывела! Ихний род Хлыкиных, сударь, захудалый род, и ежели я, Докукина урожденная, вышла за него, так он это ценить должен и чувствовать! Он мне, сударь, не дешево стоит, ежели желаете знать! Что мне стоило его на службу определить! Спросите-ка у него! Ежели желаете знать, так мне один только его экзамен на первый чин

триста рубликов стоил! А из-за чего хлопочу! Ты думаешь, тетеря, я из-за тебя хлопочу? Не думай! Мне фамилия рода нашего дорога! Ежели б не фамилия, так ты у меня давно бы на кухне сгнил, ежели желаешь знать!

Бедный Досифей Андреич слушал, молчал и только пожимался, не знаю, отчего – от страха или срама. И за обедом не оставляла его в покое строгая супруга. Она не спускала с него глаз и следила за каждым его движением.

– Посоли себе суп! Не так ложку держишь! Отодвинь от себя салатник, а то рукавом зацепишь! Не мигай глазами!

А он торопливо ел и ежился под ее взглядом, как кролик под взглядом удава. Ел он с женою постное и то и дело взглядывал с вожделением на наши котлетки.

– Молись! – сказала ему жена после обеда. – Благодарю братца.

Пообедав, Хлыкина пошла в спальню отдохнуть. По уходе ее Докукин схватил себя за волосы и заходил по комнате.

– Ну, да и несчастный же ты, братец, человек! – сказал он Досифею, тяжело переводя дух. – Я час посидел с ней – замучился; каково же тебе-то с ней дни и ночи... ах! Мученик ты, мученик несчастный! Младенец ты вифлеемский, Иродом убиенный!

Досифей замигал глазками и проговорил:

– Строги они, это действительно-с, но должен я за них денно и ночью бога молить, потому, кроме благоденствий и любви, я от них ничего не вижу.

– Пропавший человек! – махнул рукой Докукин. – А когда-то речи в собраниях говорил, новую сеялку изобретал! Заездила ведьма человека! Эхх!

– Досифей! – послышался женский бас. – Где же ты? Поди сюда, мух от меня отгоняй!

Досифей Андреич вздрогнул и на цыпочках побежал в спальню...

– Тьфу! – плюнул ему вслед Докукин.